

К.А. Павлов-Пинус

**ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ О СОЗНАНИИ:
ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ
ЧАСТЬ II***

Павлов-Пинус Константин Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

Вторая часть статьи продолжает исследование, начатое в предыдущем выпуске «Философского журнала», где автор в общих чертах охарактеризовал фундаментальный слой той почвы, из которой произрастают базовые исследовательские интенции, ориентированные на теоретизирование как таковое. В статье сопоставляются выразительные средства объективистских теорий и феноменологические концептуальные ресурсы. Различие между моделированием, объяснением, предсказанием и феноменологическими и аналитическими экспликациями позволяет усмотреть частичную, но принципиальную несоизмеримость разных теоретических подходов. Между тем смысловая локализация сознания как темы философского исследования усложняется впечатляющими успехами объективных наук, способных ныне, благодаря био- и компьютерным технологиям, моделировать подавляющее большинство форм внешнего проявления сознания. Эта трудность выводит на первый план проблему тематизации собственного «языка сознания». Осуществление этой цели требует анализа всего массива метафор, которые используются в рассуждениях о сознании и от его «лица». Но дело не в каталогизации соответствующего словаря, а в экспликации схем и способов порождения речи, свидетельствующих о способности оперировать образцами актуального понимания. Здесь на помощь приходит то обстоятельство, что теоретизирующее сознание являет себя в двух режимах: как вне-теоретический потребитель теоретического знания и как практический соучастник теоретизирования, способный самостоятельно корректировать формы своего теоретического самопонимания.

Ключевые слова: целевые конфликты теорий, теоретическое объяснение, онтологический произвол, теоретическое описание, теоретическое предсказание, теоретическое моделирование, понимание, язык «самого сознания», речь от первого лица, информативная несоизмеримость теорий

* Часть I см.: Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 40–57.

Традиционные формы вопрошания о сознании

Сознание настолько всеохватный и многосложный феномен, что относительно него можно задать множество принципиально разных вопросов. И это, как уже было отмечено в предыдущей части статьи, весьма важный момент. Ведь выбором вопроса – степенью его глубины, формой его осмысленности и детальностью его постановки – предопределяется концептуальное и методологическое своеобразие тех теоретических ответов, которые будут конкурировать между собой за «правильность решения» и успешность которых, в свою очередь, можно будет сравнивать лишь на основе общего им исходного вопроса и определяющей его внутренней структуры.

Принимая во внимание сказанное, можно теперь попытаться кратко охарактеризовать спектр современных способов вопрошания о сознании, который жестко коррелирует и с соответствующим спектром имеющихся ответов на ставящиеся вопросы. Мы увидим следующую картину. Во-первых, существует семейство теоретических проектов объективистского типа, для которых характерно ставить вопросы 1) об *объяснении* сознания и 2) о *моделировании* сознания техническими и теоретическими средствами. Другой тип проектов изучения сознания связан с 3) проблемой феноменологического и аналитического его *описания*. Существуют и такие проекты, где вопрос о существовании сознания стоит косвенно, как прагматический момент, т. е. в таких теориях, где исследование сознания является не самоцелью, а привходящей задачей, позволяющей решать вопросы прикладного (например, социального) характера. Охарактеризуем вкратце каждый из подходов.

Проблема объяснения сознания. Проблема объяснения сознания характерна для научных дисциплин, изучающих сознание, и аналитической философии сознания, большей частью занятой комментаторством и популяризацией научных результатов. О том, что процедура объяснения стоит в центре внимания науки и аналитики, говорит и их терминологический словарь (скажем, термин “*explanatory gap*”, т. е. разрыв в объяснении, являющийся одним из ключевых для современных дискуссий), и названия наиболее обсуждаемых книг (см., например, книгу Д. Деннета «Объясненное сознание»¹). Тем не менее остается открытым такой вопрос: действительно ли все то, что нам важно знать о сознании, можно получить *методом объяснения*? Ведь объяснение – это весьма своеобразный эпистемический процесс, ограниченный рядом структурных предпосылок, определяющих его в качестве осмысленного. Простая бытовая иллюстрация. Предположим, вы говорите вслух: «Что-то я сильно проголодался, не пора ли перекусить?». И вдруг вам всерьез отвечают: «Вы неверно себя понимаете, сейчас я вам объясню, как все обстоит на самом деле». Это явная коммуникативная неудача, показывающая в данном случае неуместность какого бы то ни было «объяснения» в ответ на озвученный вопрос. В данном случае ее причины вполне ясны и место сбоя локализуется безо всяких проблем. Но ведь можно спросить: а не случаются ли подобные смысловые несостыковки в теоретическом пространстве, сплетенном из сложнейшей сети явных (и еще только возможных) вопросов о сознании, с одной стороны, и столь же запутанной сети имеющихся (или еще только предвосхищаемых) «объясняющих» ответов, с другой стороны?

Этим вопросом не часто задаются аналитические философы – они с ходу спешат объяснять сознание, подыскивая тот или иной эксплананс для своих конструкций. При этом, однако, остается еще два белых пятна.

¹ Dennett D. Consciousness explained. N. Y.; Boston; L.: 1991.

Во-первых, у объективистских теорий, имеющих дело с высокоуровневыми гуманитарными феноменами, есть одно серьезное затруднение – проблема *онтологического произвола*, которая, грубо говоря, выражается в теоретической необязательности выбора «эксплананса». Что через что должно получать объяснение и каковы причины считать «то», а не «это» онтологически первичным, невозможно решить в рамках объективистского подхода (просто в силу инструменталистской природы его способов именения дела с объектами исследования). Дело, подчеркну, не в том, хорошо или плохо объясняет нечто та или иная теория, а именно в невозможности делать онтологические выводы на этом языке.

То, что язык взрослых позволяет хорошо предсказывать поведение ребенка, еще не значит, что взрослый язык адекватнее миру ребенка. Языки предсказания и/или объяснения вовсе не обязаны совпадать с языком самопонимания.

Есть и второй момент, который еще меньше беспокоит аналитических философов сознания. Проблема в том, что тот модус сознания, когда оно *понимает себя* как нечто такое, что можно было бы целиком и полностью объяснить в терминах, отсылающих к не-сознанию, является лишь частным случаем сознания вообще. Ученый, который верит в то, что сознание можно исчерпывающе объяснить методом объяснения, пребывает именно в таком модусе. Было бы небезынтересно подробно и теоретически корректно описать такой модус, в котором *сознание способно опознать само себя* в конструкции, сооруженной из «не-сознательных» компонентов. Здесь дело, разумеется, не столько том, что это состояние имеет черты навязчивого невроза (о чем напрямую и довольно верно говорил Серл²), а в деталях соответствующих процедур смыслообразования (о чем также вкратце говорится у Серла).

Можно эту трудность сформулировать более точно: *идея полного объяснения сознания эквивалентна идее того, что любой акт человеческого понимания фактически «схватывается» неким актом объяснения*. Это очень сильное утверждение. Отрицание этого утверждения означает: некоторые типы актов понимания невозможно осмысленно и полноценно «схватить» актами сознания, имеющими характер объяснения. Невозможность объяснения этих актов не означает их «непознаваемости», она говорит лишь о том, что некоторые типы событий «понятности» имеют иную внутреннюю архитектуру, иной тип «срабатывания». На это сторонники научных форм тематизации сознания могли бы возразить: не исключено, однако, что этот пробел можно устранить методом *моделирования* сознания. Думается, *частично* они правы.

Проблема моделирования сознания. Для теорий объективистского типа, наряду с объяснением, все больший вес набирает другая стратегия – моделирование сознания техническими, а не чисто теоретическими средствами. Ясно, что это стало возможным лишь в связи с фантастическим развитием вычислительной техники, а также с впечатляющим прогрессом в области биотехнологий. Разумеется, эти два метода (объяснение и моделирование) очень близки по своей сути, и в огромном количестве «классических» случаев теоретическое моделирование фактически и является формой теоретического объяснения. Важно отметить, повторимся, что эти методы не являются взаимозаменяемыми. С особенной отчетливостью это проявилось в наш компьютерный век, когда стала реальностью возможность моделирования феноменов необычайной сложности. Корень несовпадения прост: задача объяснения (понятая в картезианском ключе как *пошагово и в целом обозримая*

² Серл Д. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 49.

процедура перехода от абсолютно понятного к тому, что требует объяснения) нивелирует саму идею моделирования, базирующуюся на задаче обработки и/или взаимодействия не обозримого человеческим умом материала.

Моделирование же может быть устроено совершенно иначе: современные модели высокой сложности – это *искусственно* созданные «черные ящики», которые позволяют (статистически) эффективно работать с *поведением* анализируемых объектов или ситуаций, но при этом не прибавляют нам знаний об их *внутренней* структуре³. Здесь критерий оценки чисто прагматический. Он гарантирует высокую степень предсказуемости, но лишь статистически значимым образом. И это, между прочим, гораздо ближе к тому, как работает человеческая психика. Рассмотрим такой пример. Любой «хороший» ученый статистически чаще выдает хорошие научные результаты, чем ученый «посредственный». Но если взять двух приблизительно одинаково «хороших» исследователей и дать им одну и ту же задачу средней сложности, то нет никаких гарантий ни того, что они *оба* ее решат за отведенное время (может быть, решит лишь кто-то один), ни даже того, что вообще кто-то из них решит эту задачу. Здесь возможна любая комбинация исходов. Более того, исследователи, как правило, могут предъявить *результат* своего решения, но вовсе не полностью тот путь, который их привел к решению. Значительная часть работы человеческого ума, которую он совершает в процессе анализа ситуации, остается «черным ящиком»: на выходе нередко мы имеем дело с итоговыми правильными решениями и выигрышными стратегиями, а вовсе не с полным пониманием анализируемой ситуации.

Это возвращает нас к одному из главных вопросов о сознании: *что именно* мы хотим знать о его природе? Хотим ли мы иметь модели, прекрасно имитирующие деятельность сознания (без четкого понимания того, *как* именно эти модели работают), или же мы хотим иметь весь спектр объяснений всего того, что допускает свое объяснение в сознании? Или мы хотим понять, как самим себя понимать в тех или иных ситуациях, т. е. как владеть собственным сознанием? И, главное, все ли вопросы к сознанию можно разрешить методом объяснения и/или моделирования? Действительно ли у нас не останется никаких вопросов к сознанию после того, как мы создадим «искусственный разум» и «объясним» все то, что в природе сознания поддается объяснению?

Проблема описания сознания. Описание как метод теоретизирования характерен в первую очередь для феноменологии, причем в качестве ее ключевого методологического ориентира. Такие эпистемические формы обхождения с вещами, как моделирование или объяснение, являются с точки зрения феноменологии в лучшем случае вторичными, в особенности когда это касается вопросов понимания сознания. Феноменология находит противоосмысленным начинать с «объяснения» или «объективного познания», поскольку совершенно не очевидно, что эти эпистемические процедуры соответствуют задаче теоретического раскрытия смысла природы «сознания».

У феноменологии имеются серьезные *логические* резоны так ставить вопрос. Еще от Аристотеля идет четкое понимание того, что, какую бы теорию мы ни взяли, не все то, что можно высказать на языке этой теории, можно доказать и объяснить в рамках самой же этой теории, поскольку ни из од-

³ См.: *Napoletani D., Panza M., Struppa D.* Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis // *Foundations of Science*. 2011. Vol. 16. P. 1–20; *Pietsch W.* The causal nature of modeling with Big Data // *Philosophy and Technology*. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 137–171. Критику и внутренние трудности этого подхода см., например, в: *Calude S.C., Longo G.* The deluge of spurious correlations in big data // *Foundations of Science*. 2017. Vol. 22. Issue 3. P. 595–612.

ной теории невозможно полностью устранить те теоретические компоненты, которые «элементарно понятны», «далее не объяснимы», «интуитивно схватываемы», «понятны сами из себя» и т. п. (иначе говоря, те компоненты, которые конституируют теорию в качестве таковой, первоначала теории). Такова логика всякой теории. Эти ограничения не только очерчивают границу применимости *метода объяснения* как способа увеличения понятности, но и ставят – в качестве неустранимо важной задачи – следующие вопросы: как становятся известны первоначала любой теории, на которых потом зиждется вся теоретическая конструкция? Как описать форму эпистемического доступа к «первым представлениям» о самом предмете, по поводу которого создается соответствующая теория, о самой проблематике? В экспликации и описании этого и видит свою задачу феноменология⁴, лежащая в основании теоретического знания⁵.

Таким образом, задача описания (феноменологической экспликации) является как минимум взаимно дополнительной задачей по отношению к задачам объяснения и моделирования. Ранняя аналитическая философия, между прочим, это хорошо понимала. Тем не менее, как неоднократно свидетельствовал наш опытейший исследователь в области теорий сознания Д.И. Дубровский, за последние пятьдесят лет никаких существенных концептуальных сдвигов в аналитике не произошло⁶. И это не случайно. С тех пор как она занялась комментариями научных результатов, а не разработкой собственно философских вопросов, там перестали наблюдаться и глубокие концептуальные прорывы.

Моделирование и объяснение – это объективистские, научные методы исследования. Их можно *определить чисто формально* и *использовать чисто формально*, т. е. без какой-либо апелляции к идее понимания. Именно поэтому они без труда поддаются воплощению в формальных алгоритмах и программах. Философия же может использовать такого рода средства лишь как вспомогательный инструмент. А вот процедура описания⁷, понятая как аналитическая экспликация, – это непосредственная *работа* с человеческим пониманием; она герменевтически выполняется в перформативном режиме, переводя «понимание» в «понимание», трансформируя и углубляя его по ходу дела. Понимание невозможно определить без апелляции к живому пониманию, поскольку аналитическая экспликация работает с *образцами актуального понимания*, а не с формальными структурами, механически отчуждаемыми от живого сознания. В основе этой процедуры – наличие первичного и актуально данного описания-знакомства, созданного на основе здесь и сейчас *понятных* примеров и первичных схематизмов аналитической работы с ними⁸.

⁴ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 84.

⁵ Известно, кстати, что К. Гёдель долгое время интересовался ходом феноменологических исследований именно в связи с вопросом об эпистемическом доступе к первопринципам, определяющим логику в качестве логики, см.: Целищев В.В. Интуиция, финитизм и рекурсивное мышление. Новосибирск, 2007.

⁶ Дубровский Д.И. Явления сознания и мозг: проблема расшифровки их нейродинамических кодов // NovaInfo.Ru. 2011. № 4. С. 310–317.

⁷ Ясно, что можно дать и чисто формальное, объективистское определение описания. Но это будет лишь частный случай идеи *процедуры описания*. Моделирование, предсказание и объяснение можно *исчерпывающе* определить в объективных терминах – в этом их главное отличие от идеи дескриптивной экспликации.

⁸ Формальное описание структуры герменевтических определений можно найти в статье: Pavlov-Pinus K.A. Theorizing agents: their games, hermeneutical tools and epistemic resources // Constructivist Foundations. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 554–557.

Смысловая локализация «сознания» как темы исследования

До сих пор о сознании у нас получалось говорить лишь косвенно, хотя, как мы уже отмечали, все наши косвенные разговоры выводили напрямую на ту или иную особенность осуществления жизни сознания. Напрашивается вопрос: возможно, пришло время попытаться обратиться к самому феномену, т. е. непосредственно к теме сознания? Но где искать «само сознание»? Куда нужно смотреть? Немедленно заняться интроспекцией или медитацией? вчувствованием и самоотчетом? Как сделать «само сознание» доступным для продуктивной научной и философской тематизации?

Любой современный человек находится в поле «давления» со стороны трех тесно переплетенных между собой смысловых сил. Во-первых, со стороны естественного языка, выразительные возможности которого способны многое сказать нам о «сознании», а также со стороны повседневного *сознательного* обхождения с вещами. Во-вторых, со стороны тех специализированных исследовательских традиций, которые несут в себе историю теоретического понимания разнообразных феноменов сознания. И, в-третьих, со стороны «самого сознания», о наличии которого нам говорит и «оно само» и все те следы его присутствия, о которых говорится в двух первых пунктах. Эти три смысловых поля являются главными поставщиками наших представлений о сознании, на основании данных которых мы научаемся осмысленно и intersubjectively значимым образом пользоваться словом «сознание» в рамках нашего личного опыта.

Постараемся в общих чертах охарактеризовать хотя бы некоторые базовые компоненты фолк-психологии и «научной» традиции. Здесь можно выделить следующие «языковые семейства»: 1) группа метафор и слов, отсылающих к теме *света и зрения*, т. е. сам «свет», «освещенность», «прозрачность», «зримость», «открытость» и др.; 2) группа смыслов и понятий, отсылающих к теме *единства* («синтез», «схватывание», само «единство» и т. п.), а также семейство смыслов, схватывающих «душу», «сознание» в терминах инвариантности: «неизменность», «самотождественность» и т. п.; 3) семейство смысловых средств, связанных с *оценкой места* «сознания» в иерархии бытия («божественность», «бессмертие», вечность, атомарность или его характеристика как наивысшего уровня организованной материи и др.); 4) семейство метафор, соотносящих сознание и процедуры смыслоформирования; 5) метафоры, описывающие сознание в его интенции к (само)выражению как форму «обращенности к...», т. е. как молитву (форма обращенности к богам), как теоретизирование (обращение к людям вообще, к человечеству), как искусство (обращенность к неизвестному, возможно, даже «идеальному» собеседнику) и т. п.

Думается, этот список не полный и очень приблизительный. Но нам в первую очередь важна не полнота и не степень детализации списка, а разъяснения по поводу такого вопроса: а что бы это значило, что «само сознание» дает о «себе» знать? Как это проявляется? Как фиксируется в языке и в понятиях и как можно в этом удостовериться? Возможно, как говорят некоторые исследователи, это просто иллюзия, и то, что мы воспринимаем как «само сознание», на деле является столкновением с чем-то совершенно иным? Но каков тогда статус (онтологический, эпистемический) этой самой иллюзии?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам важно будет не просто собрать метафоры воедино. Нам надо понять, какие из них ведут к объективации сознания и поэтому способствуют научному его прояснению; какие метафоры

служат просто делу сохранения фолк-традиции говорения о сознании (т. е. просто являются фолк-мемами о сознании); а какие находятся в таком отношении к нам, самосознающим существам, что они суть «язык самого сознания» (т. е. выделить те, которые несут в себе значимость информации «от первого лица», т. е. от лица «самого сознания»). Различие между научной объективацией, фолк-традицией и речью от первого лица – приблизительно такое же, как и различие между обвинением прокурора, показаниями (лже) свидетелей и вашей собственной речью. Существуют ли у сознания *способы выстраивания* речи, которая бы каждый раз оказывалась способной указывать на самостоятельную значимость сознания? В этом вся суть: возможно ли создать язык, который не объективирует и не отчуждает от сознания, а обладает *способностью становиться* «речью самого сознания»?

В чем заключается сложность поставленной задачи? Каков ее источник? Сложность заключается как раз в том, что «сознание» привыкло принимать на себя роль вне-теоретического субъекта рассмотрения «предметов теории». Мы, сознательные существа (и бессознательные картезианцы), привыкли считать себя вне-теоретическими реципиентами теоретического знания, эдакими над-теоретическими наблюдателями, парящими над всякой теорией (в частности, стало быть, над всякой теорией сознания). Но наука и философия знают и другие примеры. Субъект потребления теоретического знания выступает как нечто вне-положное теории *только* в режиме повседневности, т. е. в частности, в периоды «нормального» (внутри-парадигмального) развития теоретического знания. В моменты парадигмальных макро- и микро-сдвигов взаимосвязь сознания и теории выглядит не так. Сознание становится не внешним наблюдателем, а *практическим соучастником теоретического действия*. Сознание, следуя пошаговым инструкциям конструируемой новаторской теории, оказывается вынужденным изменять свой интуитивный состав, трансформировать свою концептуальную архитектуру, т. е. менять сами принципы концепирования и формировать новые формы интуирования, отказываясь от старых по причине противоречия прежним интуициям. В результате «прохождения сквозь» толщу смыслоформирующих инструкций новаторской формы теоретизирования, сознанию приходится менять собственные формы самоистолкования. Таким образом, живое соучастие сознания в деле теоретизирования является, конечно, более редким, но не менее типичным явлением. Коль скоро это так, то у нас есть хорошие шансы попытаться объединить эти две формы движения мысли: т. е. создать теоретический схематизм, который позволяет *давать слово* самому сознанию, изменяющемуся в процессе новаторских теоретических конструирований. Или доказать, что это невозможно.

Подобную задачу осознавали еще родоначальники феноменологии, настаивавшие на том, чтобы феноменология была не просто отвлеченным знанием, а *работой*, которую должно проделывать сознание всякий раз, когда оно вступает на путь осмысления окружающего мира. Несмотря на мощный натиск современных наук о сознании, эта феноменологическая задача несколько не утратила своей теоретической и практической значимости. Более того, вопрос о том, правомерно ли полагать, что последнее слово всегда и во всех исследовательских контекстах остается за научными формулировками, следует считать открытым. Спектр потенциальных смысловых сдвигов, переинтерпретаций и радикально новых истолкований «старых» фактов остается неопределенно великим: об этом можно судить на основании одной только истории математики. Горизонт же истолкования человеческого сознания, не-

прерывно занятого работой по переигрыванию самого себя, по изобретению выигрышных стратегий одних носителей «сознания» по отношению к другим носителям «сознания», по обнаружению всевозможных контрпримеров всему массиву человеческого знания и т. п., представляется вообще принципиально открытым и недостижимо отодвигающимся в бесконечное будущее. В этой перспективе теоретизирование о «теоретизирующем сознании» требует своего воплощения в таких формах, которые могут оказаться весьма отличными от теоретизирования об «объектах природы», даже если последние имеют динамическую природу. Здесь мы вплотную подходим к теме «герменевтики субъектности», к понятию рекурсивных герменевтических определений и прочим циркулярным процедурам и исследовательским тактикам.

Список литературы

Дубровский Д.И. Явления сознания и мозг: проблема расшифровки их нейродинамических кодов // NovaInfo.Ru. 2011. № 4. С. 310–317.

Павлов-Пинус К.А. Теоретизирование о сознании: эпистемические пролегомены. Ч. I // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 40–57.

Серл Д. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.

Целищев В.В. Интуиция, финитизм и рекурсивное мышление. Новосибирск: Параллель, 2007. 220 с.

Calude S.C., Longo G. The deluge of spurious correlations in big data // Foundations of Science. 2017. Vol. 22. Issue 3. P. 595–612.

Dennett D. Consciousness explained. N. Y.; Boston; L.: Back Bay Books; Little, Brown and Co., 1991. 511 p.

Napoletani D., Panza M., Struppa D. Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis // Foundations of Science. 2011. Vol. 16. P. 1–20.

Pavlov-Pinus K.A. Theorizing agents: their games, hermeneutical tools and epistemic resources // Constructivist Foundations. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 554–557.

Pietsch W. The causal nature of modeling with Big Data // Philosophy and Technology. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 137–171.

Theorizing about consciousness: an epistemological prolegomenon Part II*

Konstantin A. Pavlov-Pinus

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

The second part of of this ongoing study continues the work initiated in the previous fascicle of the *Philosophy Journal*, where the author characterized the spectrum of basic research intentions which give rise to theorizing as such. A general view of the background makes it easier to perceive the difference between the key modern approaches to the study of consciousness and to compare the objectivist and phenomenological theories for their expressive potential and conceptual resources. The difference between such theoretical procedures as modeling, explanation, prediction, as well as phenomenological and analytical explication, allows to perceive a certain incommensurability between the different

* For Part I, see the Philosophy Journal 2018, v. 11-2, p. 40–57.

theoretical approaches. At the same time, the advancement in bio- and computer modeling of the majority of external manifestations of consciousness makes it much harder to define the limits of consciousness as an object of philosophical inquiry. This difficulty brings to the fore the problem of the 'proper language of consciousness'. Clearly, it is not enough to simply catalogue the corresponding vocabulary. What is required is an analysis of the entire range of metaphors used in the discussions about and in the name of consciousness. One is also bound to examine the mechanisms and modes of generating discourse based on sense generation and on (intersubjectively explicit) forms of actual understanding. Here the following circumstances may help: the theorizing consciousness manifests itself in two modes, both as an extra-theoretical consumer of theoretical knowledge and as an actual participator in the process of theorizing, capable of correcting its proper forms of self-understanding.

Keywords: target conflicts of theories, theoretical explanation, ontological arbitrariness, analytical description, theoretical modeling, understanding, proper language of consciousness, informative incommensurability of theories

References

Calude, S. C. & Longo G. "The deluge of spurious correlations in big data", *Foundations of Science*, 2017, Vol. 22, Issue 3, pp. 595–612.

Dennett, D. *Consciousness explained*. New York; Boston; London: Back Bay Books; Little, Brown and Co., 1991. 511 pp.

Dubrovsii, D. I. "Yavleniya soznaniya i mozg: problema rasshifrovki ikh neirodinamicheskikh kodov" [Appearances of consciousness and brain: a problem of decoding of neurodynamical codes], *NovaInfo.Ru*, 2011, No. 4, pp. 310–317. (In Russian)

Heidegger, M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs], trans. by E.V. Borisov. Tomsk: Vodolei Publ., 1998. 384 pp. (In Russian)

Napoletani, D., Panza, M. & Struppa, D. "Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis", *Foundations of Science*, 2011, Vol. 16, pp. 1–20.

Pavlov-Pinus, K. A. "Theorizing agents: their games, hermeneutical tools and epistemic resources", *Constructivist Foundations*, 2016, Vol. 11, No. 3, pp. 554–557.

Pavlov-Pinus, K. A. "Teoretizirovanie o soznanii: epistemicheskie prolegomeny. Chast' I" [Theorizing about consciousness: an epistemological prolegomenon. Part I], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 2, pp. 40–57. (In Russian)

Pietsch, W. "The causal nature of modeling with Big Data", *Philosophy and Technology*, 2016, Vol. 29, No. 2, pp. 137–171.

Searle, J. *Otkryvaya soznanie zanovo* [A re-discovery of the Mind], trans. by A.F. Gryaznov. Moscow: Ideya-Press, 2002. 256 pp. (In Russian)

Tselishchev, V. V. *Intuitsiya, finitizm i rekursivnoe myshlenie* [Intuition and Recursive Thinking]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2007. 220 pp. (In Russian)